

Классическое народничество: социальные истоки и политико-идеологический смысл

В.А. Должиков¹, Ю.А. Зеленин²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Classical Narodnik Movement: Social Sources and Political and Ideological Sense

V.A. Dolzhikov¹, Y.A. Zelenin²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Анализируются социальный генезис и политико-идеологическое содержание классического народничества в России. Авторы критикуют позицию, преобладавшую в советской историографии, что классическое народничество представляло собой мелкобуржуазную, утопическую, псевдосоциалистическую идеологию и общественное движение. Также авторы не согласны с тем, что социальные истоки народнического движения второй половины XIX — начала XX в. связаны с маргинальной общественной группой — разночинной интеллигенцией. В отличие от марксистской историографии доказывается, что народничество как парадигма политической культуры инициировалось идеологами специфической социальной группы — русской дворянской интеллигенцией, в целом решительно настроенной против «обуржуазивания» России. Главной ценностью для классического народничества, раскрывающей его социально-политическую сущность, является приоритет политической самореализации народа и признание его суверенным правообразующим субъектом русской истории.

Ключевые слова: классическое народничество, интеллигенция, народ, советская историография, популизм.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-14

В современной России наметилась идеологическая тенденция, которую с определенной условностью можно идентифицировать как частичное возвращение парадигмы народничества в реальную политику. В той или иной степени на «народническое наследие» претендуют представители Справедливой России [1, с. 3], КПРФ [2, с. 27] и даже Единой России [3]. Представителей этих партий отчасти можно рассматривать как наследников правого крыла эволюционного народничества.

The article analyzes the social genesis and political ideological content of classical Narodnik movement in Russia. The authors criticize the position prevailing in the Soviet historiography that the classical Narodnik movement represented petty-bourgeois, utopian, pseudo-socialist ideology and social movement. The authors do not agree that social sources of Narodnik movement in the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries are connected with the marginal public group — the intellectuals not of noble birth. Unlike Marxist historiography it is proved that Narodnik movement as a paradigm of political culture was initiated by ideologists of specific social group — the Russian noble intelligentsia, which was against bourgeois moods in Russia. The main value for classical Narodnik movement disclosing its socio-political essence is the priority of political self-realization of the people and recognition it as the sovereign right-forming subject of the Russian history.

Key words: classical Narodnik movement, intellectuals, people, Soviet historiography, populism

Хотя название и элементы народнической идеологии рядом центристских партий используются чаще всего из прагматических соображений и не имеют ничего общего с базовыми ценностями и целями народничества. В большей степени продолжателями традиций революционного и левого крыла эволюционного (легального) народничества можно считать в современной России сторонников демократического социализма, анахро-синдикализма и анархо-коммунизма (см. подробнее: [4]).

Заметно усиливающийся общественный интерес к альтернативной концепции «русского» социализма в народнической его версии свидетельствует, на наш взгляд, о научной значимости проблематики генезиса и социально-политической сущности этой уникальной идеологии.

Чтобы реконструировать роль классического народничества в истории национальных идеологий, нужны достоверные знания. А пока в исследовательской литературе и в энциклопедических справочниках фигурируют концепции, разработанные по преимуществу в советский период. Не следует забывать о том, что для обслуживавших правящий коммунистический режим историков одной из ключевых задач тогда являлось внедрение в научный оборот мифологем, призванных обесценить идеи главных политических оппонентов — социалистов-народников. Вытеснить соперников из доминирующего центрального места в общественной жизни России сначала попытались бывшие участники народнического движения, «рenegаты» Г.В. Плеханов и В.И. Засулич. Позднее к решению задачи подключились «социал-демократы» В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Продолжали начатое ими дело И.В. Сталин и М.А. Суслов. Так что в ретроспективе разница между «плехановской», «ленинской» и «сталинской» версиями марксистской критики народничества ныне представляется не столь существенной, как полагают, например, отечественные исследователи поколения «шестидесятников» XX в. [5].

В соответствии с императивами «Краткого курса истории ВКП (б)» был разработан миф о том, что народничество — это, во-первых, мелкобуржуазная, «утопическая», абсолютно ненаучная ущербная версия социализма. Во-вторых, социальные истоки народнического движения второй половины XIX — начала XX в. связывались с маргинальной общественной группой — разночинной интеллигенцией. В-третьих, мыслители-народники, согласно таким представлениям, идеализировали патриархальную крестьянскую общину и самих крестьян, исповедуя «народопоклонство», «упорно сопротивлялись распространению марксизма в России, мешали организации рабочего класса» и т.д. [6, с. 12–14]. Таким образом, пока государственная власть принадлежала коммунистическому режиму, в отечественной литературе XX в. мыслители-народники постоянно изображались «утопистами», а их альтернативный проект считался бесперспективным. По этой причине проблемы истории классического народничества не могли освещаться адекватно. Вместо научных разработок сочинялись негативистские стереотипы, которые затем внедрялись в общественное сознание. Сегодня старый официозный миф превратился, увы, в труднопреодолимый историографический факт.

Более века тому назад С.А. Венгеров сформулировал вывод о том, что собственно сам термин «народничество» нуждается в дефиниции, которая, дей-

ствительно, могла бы отражать реалии [7, с. 586]. Но и сегодня терминологический анализ сущности данного понятия остается актуальным.

Для историографии характерны три основных подхода к определению отличительных признаков русского народничества как феномена политической действительности. Согласно первому из них это главным образом социальное движение, в котором отсутствует собственно идеология с ее ценностями. Народничество сводится к очень узкому сегменту, поскольку трактуется лишь как общественное движение радикальной интеллигенции, ему приписываются черты исключительно мелкобуржуазного свойства [8, с. 414; 9, с. 137]. Сторонники другой позиции сводят главный смысл народничества, напротив, к одной лишь идеологии.

В рамках третьего концептуального подхода народничество рассматривается уже как «идеология и движение разночинной интеллигенции» [10, с. 262]; как идейное течение и общественное движение [11, с. 173], реже как научная доктрина, идеология и общественно-политическое движение [12, с. 323]. Именно сторонники данного исследовательского подхода выделяют многие (но не все) основные аспекты и концепты народничества в их тесной взаимосвязи. Согласно авторской точке зрения В.Г. Хороса народничество — это, во-первых, «весьма сложная, разветвленная идеология, комплекс философских социологических, экономических и политических теорий, устойчивых стереотипов мышления и идеологических «клише». Во-вторых, по его оценке, это «широкое общественное движение, знавшее свои подъемы и спады, революционные и реформистские течения, прошедшее путь от спорадических кружков до массовых политических партий». В-третьих, с русским народничеством связан «определенный срез национальной культуры, нашедший отражение во многих произведениях литературы, искусства и науки» [13, с. 20]. Последняя из приводимых выше дефиниций и отражает в более или менее последовательном виде специфику классического русского народничества с учетом приоритетности главных его компонентов.

Если же обратиться к стандартным стереотипам коммунистической (марксистской) интерпретации, то выходит, что в отличие от «пролетарского», якобы научного социализма, народническая версия, по В.И. Ленину, будто бы не способна преодолеть системно-формационные рамки «мелкобуржуазного» мировоззрения и капитализма. Потому, дескать, и народничество как идеология должно считаться доктриной псевдосоциалистического толка. Но при этом Ленин обращал внимание на реальный факт: народничество, согласно его концепции, не является исключительно российским феноменом и у него есть зарубежные аналоги, например, китайская разновидность данной идеологии, восходящая к Сунь Ятсену [14, с. 400–406].

Опираясь на разработки В.Г. Хороса и некоторых других отечественных исследователей (см. например: [15, с. 311]), мы также усматриваем в классическом народничестве уникальный идеологический феномен, связанный прежде всего с мировоззренческой спецификой общественного сознания русской интеллигенции, но только не разнотинной, а именно дворянской по своему происхождению и культуре. Причем авангардная народническая ментальность элитарного типа формируется, на наш взгляд, в европеизированном высшем слое дворянства России несколько раньше, чем соответствующее общенациональное движение. В культурологическом же смысле данную ипостась народничества можно расценивать как итоговый результат (правда, не вполне завершённый) субъектного художественного творчества, зримо фиксируемый в контексте русской национальной и мировой интернациональной культуры. Традиционно гуманистические, демократические и, между прочим, интернационалистские ценности этого движения сегодня продолжают оказывать свое мощное воздействие на духовную жизнь всего человечества, например, в виде «русского анархизма» или «толстовства».

Не случайно в переломном для отечественной истории 1917 г. по численности своих организаций последние идейные адепты классического народничества в России — социалисты-революционеры («эсеры») и народные социалисты («энесы») вместе взятые — превосходили другие левые партии, включая большевистскую и меньшевистскую фракции РСДРП. Именно у народников была в тот момент наиболее значительная электоральная поддержка со стороны политически активных граждан революционной России. На первых же относительно свободных демократических выборах во Всероссийское учредительное собрание за партийные списки ПСР и ПНС проголосовало большинство избирателей страны. Тем не менее при столь внушительном перевесе партии народнического и неонароднического направления не смогли закрепиться на доминирующих позициях в политике, уступив их своим давним соперникам. В обострившейся конкурентной борьбе власть в России, как известно, досталась вчерашним политическим аутсайдерам-большевикам, которые камуфлировались до поры до времени под левых социал-демократов. Сторонники марксистского «государственного коммунизма», действительно, смогли перехватить стратегическую инициативу. Сначала они переманили на свою сторону многочисленные группировки анархистов и так называемых левых эсеров, а уже затем с применением насилия отстранили недавних союзников-конкурентов от кормила правительственной власти, совершив, по сути, контрреволюционный государственный переворот. Впоследствии большевики вытеснили саму парадигму альтернативного народнического социализма на периферию национального

исторического сознания. Это как раз и понятно: историю всегда пишут для себя и за всех именно победители, а отнюдь не побежденные.

В современной западной историографии классическое народничество нередко считается одной из идеологий популистского типа. Так, в своей монографии «Кризис русского популизма» Р. Уортмэн утверждает, что не случайно первые народники появились в России на переломе системного кризиса 50–60-х гг. XIX в. Конфликт с отечественной действительностью вызвал у «русских европейцев» ощущение эмоциональной пустоты, требовавшей компенсаторного заполнения. Отсюда — страстная вера в крестьянство, которое народническая интеллигенция «волюнтаристски наделяла своими собственными помыслами». Кризис общественного движения русских народников состоял в том, что они «видели реальный мир в свете своих устремлений». Поэтому неизбежным следствием романтизированных представлений о ментальности русского крестьянства явился провал «хождений в народ» [16, с. 16–17].

Действительно, хотя понятия «народничество» и «популизм» в этимологическом смысле и очень схожи, но по своему реальному идеологическому содержанию они не равнозначны. Если популизм исторически связан с массовым общественным движением буржуазного среднего класса — фермерских и городских низов США второй половины XIX — начала XX в., то в России народничество как парадигма политической культуры инициировалось идеологами специфической социальной группы — русской дворянской интеллигенции, в целом решительно настроенной против «обуржуазивания» России.

Реальная картина в русском общественном движении 1850-х — начала 1870-х гг. в интерпретации одного из самых выдающихся идеологов русского народничества — М.А. Бакунина — выглядит совсем иначе, нежели в марксистской исторической литературе. Согласно его трактовке в контексте освободительного движения пореформенной эпохи отсутствовала специально выделенная доминантная ниша для так называемых разнотинцев наподобие Н.Г. Чернышевского или, тем более, Н. Утина. В действительности, эту нишу пока еще занимал элитарный слой интеллигентов, «ненавидящих рабство, любящих справедливость и требующих более человеческих отношений к народу, на поте и крови которого было основано даже самое их образование» (выделено нами. — В.Д., Ю.З.) [17, с. 137–138]. Частичное замещение авангардной группы европейски образованных «кающихся дворян» (по удачной формулировке Н.К. Михайловского) «людьми, более способными любить, понимать и представлять народное дело», происходило только в конце 1860-х гг. К тому времени социальный характер народнического движения в России, действительно, стали определять «дети

в пух разоренных дворян, разночинцы, семинаристы, мещане и крестьянские дети». Но в период первой «оттепели», в течение всего пореформенного десятилетия, «люди, искренне преданные делу народного просвещения и народного освобождения» были представителями аристократического слоя [17, с. 137–138]. Вывод М.А. Бакунина подтверждает Р. Пайпс. По его оценке, «...вплоть до конца старого режима, тон задавали выходцы из старого служилого сословия: большинство властителей русских дум всегда происходило из числа состоятельных дворян и чиновников высшего ранга» (выделено нами. — В.Д., Ю.З.) [18, с. 143]. Действительно, ведь и в руководстве так называемой пролетарской партии большевиков насчитывалось немало потомственных дворян (Ленин, Бонч-Бруевич, Бухарин, Дзержинский, Луначарский, Чичерин и др.).

Марксистская историография замалчивала самое главное и наиболее ценное в народничестве. Типологически важными компонентами данной национальной идеологии являлись современные, в сущности своей, ценности общеевропейской политической культуры: свобода, гуманизм, демократия и право. Но это и неудивительно, поскольку творцами — разработчиками ее были настоящие «русские европейцы». При этом ведущая роль в разработке ценностных оснований народничества в России закономерно принадлежала подлинным аристократам, которые были таковыми не только по духовной своей ментальности, но и по социогенетической линии. В знатности родового происхождения М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, П.Л. Лаврова, Л.И. Мечникова, Л.Н. Толстого и многих других талантливых мыслителей народнического направления, известных сегодня всему цивилизованному миру, можно не сомневаться.

Проблема генезиса и дальнейшей эволюции национальной (дворянской) элиты как раз и состояла в том, что хотя ее представители являлись в интеллектуально-нравственном смысле, действительно, лучшей для того времени частью русского общества, но фактически были отчуждены правящей бюрократической олигархией от полноценного участия в политическом процессе. В императорской России настоящая элита не имела ни гражданских прав, ни соответствующего ее формальному статусу объема властных полномочий.

Самоназвания общественных объединений первых народников (Великорусс, партия «Земской Думы», Земля и Воля) имели четко выраженную агитационно-лозунговую, популистскую окраску, что и дает повод отдельным авторам переводить смысл автохтонного русского понятия «народничество» с использованием неадекватного иностранного термина «популизм» (от лат. *populus* — народ) (см., например: [19]). С формальной стороны, может быть, такой перевод и уместен. Хотя русская лексема по своему идеологическому содержанию все-таки глубже, намного сложнее

и объемнее. Добавим, что многогранность идеологии классического народничества выражена присутствием в ней таких, к примеру, важных составляющих, как анархизм, интернационализм, социализм, традиционализм, федерализм, экологизм и т.п. Но если уж существует необходимость использовать зарубежную лексику, то ближе всего по смыслу к народничеству будет, на наш взгляд, скорее всего, «национализм».

Действительно, стоит обратиться к этимологическим корням понятия «народность», которым оперировали многие отечественные политические мыслители. Ведь по своему значению и смыслу это русское слово мало чем отличается от заимствованной из европейской лексики «национальности». В своем «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даль определяет «народность» как общий признак целого ряда свойств, отличающих один народ от другого, а «национальность» в обратном переводе интерпретирует именно как иностранный синоним «народности» [20, с. 566]. Таким образом, при обратном этимологическом переводе «народничество» можно транслитерировать иностранным понятием «национализм». Тем более, что собственно «народ» — это и есть «нация». В соответствии с таким пониманием общенародные интересы предстают как консолидированные национальные интересы. Однако термин «национализм» в отечественной теории и практике несет в основном негативную коннотацию как исключительность, превосходство своего народа (нации) по сравнению с другими. Поэтому можно согласиться с теми зарубежными исследователями, которые не переводят термин «народничество» и используют его кальку «narodnichestvo» (см. например: [21]).

Главной ценностью для классического народничества, раскрывающей его социально-политическую сущность, является приоритет политической самореализации народа в России в качестве суверена, источника национальной учредительной власти; признание народа суверенным правообразующим субъектом русской истории. В отличие, например, от большевистского коммунизма, для которого цель состоит в «завоевании» государственной власти, а народ — лишь подручное средство, для народничества, напротив, народ это и есть главная цель движения. По определению М.А. Бакунина, «самому лучшему человеку достаточно стать человеком власть имущим или политически-могущим для того, чтобы превратиться рано или поздно в каналю, в эксплуататора народного благоденствия, в утеснителя народной свободы» [22, с. 414].

Далеко не все участники русского общественного движения разделяли ключевой тезис «Все для народа, но только самим народом!». Одни из них (будущие народовольцы) пришли к выводу о нецелесообразности прямого вовлечения «неподготовленных» народных масс в политический процесс. Для них народ

уже не был целью. Данная группировка эволюционировала в сторону протобольшевизма. Это направление персонифицировали С.Г. Нечаев и П.Н. Ткачев. Поскольку они исповедовали принцип «революционного» иезуитизма «Цель оправдывает средства!», постольку их принадлежность к народничеству сомнительна. Некоторые исследователи так и считают [23, с.16].

С признанием дворянской элитой приоритетности суверенных прав русского народа была тесно связана идея восстановления и свободного развития общественной самодеятельности, самоорганизации, самоуправления. В дальнейшем своем логическом развитии народническая политическая мысль неизбежно приходила к идее создания в России правового демократического государства. Общественный идеал выстраивался вокруг концепции непрерывно-

го развития гражданского сообщества на началах свободы, братства, справедливости, гуманистического уважения прав личности и самобытности культуры всех народов. В интеллектуальном и социально-нравственном отношении классическое народничество, как бы ни пытались исказить его смысл противники, существенным образом опережало все другие мировоззренческие системы современности, включая, разумеется, и марксистскую доктрину с ее циничным иезуитизмом. Так что банальный тезис об извечной русской «отсталости» не выдерживает серьезной критики. Проблема состоит в ином: национальная политическая мысль в самой России, а, в особенности, за ее пределами слишком далеко ушла за горизонт и, как ни парадоксально, опередив настоящее, оказалась в будущем постмодерна.

Библиографический список

1. Миронов С. Будем строить третий социализм // Литературная газета. — 2007. — № 47–48. — 28 ноября — 4 декабря.
2. Виноградов М. Родное: Проверка на разрыв // Новое время (The New Times). — 2009. — № 5.
3. Кирсанов В. Н. Единороссы — новые народники, или Почему Ленин должен быть вынесен из Мавзолея. — М., 2010.
4. Зеленин Ю.А. Опыт периодизации истории русского народничества // Народники в истории России. — Воронеж, 2013.
5. Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. — 1991. — № 1.
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). — М., 1952.
7. Венгеров С. Народничество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Репринт. изд. — СПб., 1987. — Т. 40.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1938.
9. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). — 2-е изд. — М., 1954. — Т. 29.
10. Итенберг Б.С. Народничество // БСЭ. — 3-е изд. — М., 1974. — Т. 17.
11. Политология: словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. — М., 2001.
12. Зверев В.В. Народничество // Общественная мысль России XVIII — нач. XX века : энциклопедия. — М., 2005.
13. Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах.— М., 1980.
14. Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае // Полн. собр. соч. — 5-е изд. — М., 1968. — Т. 21.
15. Маслин М.А. Народничество // Русская философия : словарь. — М., 1995.
16. Wortman R. The Crisis of Russian Populism. — Cambridge, 1967.
17. Бакунин, М.А. Философия. Социология. Политика. — М., 1989.
18. Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М., 1993.
19. Хорос В.Г. О популистских течениях в развивающихся странах // Вопросы философии. — 1978. — № 1.
20. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание. — М., 2010.
21. Pipes R. Narodnichestvo: A Semantic Inquiry // Slavic Review. — 1964. — Vol. 23. — №. 3.
22. Бакунин М.А. Интриги г-на Утина // Материалы для биографии М. Бакунина. — М. ; Л., 1928. — Т. III.
23. Поликарпова Е.В. Идеология народничества в России. — М., 2001.